

Аргентина

Трупа „Стра

ловкость, в буквальном смысле перехватив совершающий европейское турне коллектив где-то между Хельсинки и Швейцарией. Словом, высший класс по всем статьям. А если еще прибавить нашу давнюю (со времен вседворовой и всеоконной патефонной истомы) любовь к танго, то станет ясно: событие обещало быть запоминающимся.

Танго – дитя эмиграции. Оно родилось в конце прошлого века в кабаках Буэнос-Айреса, где в сутолоке и одиночестве кротали вечера выходцы из Германии, братья-славяне, кубинцы. Хрипловато пел бандонеон (разновидность баяна, изобретенная немецким музыкантом Генрихом Бандом), лились ностальгические слезы, звучали ритмы хабанеры. Все это и есть танго. Это, а еще – романтика океанских просторов, стоны, быть может, мимолетной, но страстной любви, экзотика, ставшая родным домом, и родной дом, навсегда потерянный, но не забытый. Почему-то именно эмигранты часто являют миру нечто новое, художественно совершенное. Оторванность ли от корней, ностальгия, неизбежная ли горечь одиночества, ревностно отстаиваемая самобитность и вместе с тем ощущение некой общности, единения скитальцев, смешение ли красок провоцируют „утончают“ и „изоцряют“ артистизм, обостряют чувства, высвобождают лучшие качества народа, раскрепощают темперамент?

Во всяком случае с танго все, видимо, так и было. И теперь, если верить рекламе, нам предстояло, наконец, узнать, что же такое истинные „экзотика, чувственность, захватывающие ритмы и виртуозность, бродвейский размах“.

Ночь. Чрево кафе-бара на набережной (почему-то очень хотелось, чтоб именно на набережной) – интерьер цвета каминного жара. На эстраде музыканты настраивают

Экран и сценарий –
1995. – 28 мар –
Танго-класс
та – 4 апр, 96

инструменты. За столиками рассаживаются завсегдатаи. Мужчины: франтоватые пиджаки, лаковые штиблеты, бриолин. Женщины: каблук-шпилька, ажур и атлас, независимый и одновременно призывный разворот плеч. Застонал оркестр, и...

То пары состязались между собою, появляясь перед нами по очереди, то мужчины танцевали без женщин (говорят, обычай этот родился в портовых борделях предместьев Буэнос-Айреса), то женщины без мужчин (и это уже не совсем танго, а скорее растиражированный кинематографом кабаре-номер на стульях). А то на сцену выходили все, и тогда она чем-то напоминала автоматический ткацкий цех: множество станков, напряженный темп, сложнейшие манипуляции, и ни единого сбоя. И – ни единого человека. Лишь машины. Все было в этот вечер: виртуозная техника, железная выучка, головокружительные па, чеканный ритм, стальной носок, идеальные спины. Танго в профиль, авфас, только что не в разрезе. Одного не было – страсти. Того, что в нашем (пусть дилетантском) понимании и есть суть танца, ради чего, собственно, и собрались зрители. Обещали ведь.

Строго говоря, то, что мы увидели, – не спектакль. Не было драматургической структуры. Линии взаимоотношений действующих лиц (хотя их и действующими лицами не назовешь, ибо нет действия) едва намечены. Композиция чисто концертная. Недаром самый живой отклик в зале встретил классический номер, когда исполнители как бы танцуют сами с собой и костюм их наполовину женский, наполовину мужской. Публике нужен аттракцион. А пришедшей смотреть бродвейское шоу – тем паче. Для того она и пришла. Забавно, но нам, жителям северной страны, не хватило в аргентинцах темперамента, огня. Они показались холодноватыми. Я вовсе не хочу сказать, что коллектив „люо“ Это было бы ересью. Он превосходен. И все же после спектакля осталось какое-то недоумение.

Оно рассеялось лишь тогда, когда я услышала рассказ хореографа Эктора Зараспе (в прошлом личного педагога Рудольфа Нуриева) о цели, с которой создавалась труппа. Возродить почти полностью к тому времени утерянную культуру танго, дабы передать эстафету новым поколениям из рук в руки. И я поняла: не следует смешивать жанры. „Tango Pasion“ – род мастер-класса. Рассмотреть танец под микро-

скопом, препарировать его, чтобы довести профессионализм до совершенства, не упустив ничего из десятилетиями отсеиваемого и копимого. Вот задача танцоров. И в этом качестве им, охотно верю, нет равных. Неопишное, ошеломляющее мастерство действительно восторгает. Не поспоришь: высший класс.

А страсть? На нет и суда нет. Да и нам ли, в самом деле, занимать ее на стороне?

Наталья ЗВЕНИГОРОДСКАЯ.

3-4.4.96

ВОКРУГ СНОВ

На пресс-конференции кто-то сказал, что в Россию надо привозить искусство только наивысочайшего класса. Все согласились: надо. Эту непростую обязанность и взял на себя Росинтерфест. Взял и вот уже несколько лет, как говорится, с честью несет. На этот раз ждали гостей из Аргентины – „Tango Pasion“ (в русском, не совсем точном, переводе – „Страсть и танго“) – шоу-мюзикл с участием лучших „тангерос“, созданное в конце 1992 года американским продюсером Мелом Ховардом. Признанным профессионалом Бродвея. В спектакле занят также всемирно известный инструментальный ансамбль „Секстето майор“ во главе с аранжировщиком и музыкантом-виртуозом Хозе Либертелла. Министерство культуры, посольство Аргентины и Государственный Театр Наций проявили завидную